

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ МОРЮ

В. И. ВОРОНИН

(Автобиография)

Родился в 1890 году в Сумском посаде на побережье Белого моря. Мой прадед, дед и отец жили морем. Они плавали в Норвегию за рыбой, на Новую Землю за зверем, ходили на китовый промысел. Но никто из Ворониных не знал ни карт, ни лоций.

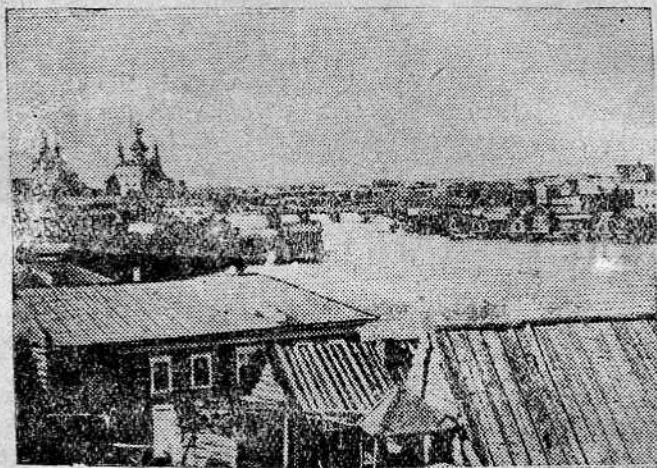
Выработанным в результате вековой практики опытом, который передавали из поколения в поколение, поморским чутьем предчувствовали штормы, предугадывали появление льдов. По каким-то особенным, известным им признакам, узнавали о подводных скалах.

Потомки новгородских ушкуйников—поморы жили морем. Море их кормило, море их поило. Недаром поют поморы:

Ах, ты, море, море, море синее,
Море синее, море соленое,
Ты нас кормишь, поишь;
Море синее, море синее, море соленое...

Сумский посад — богатое поморское село.

Здесь был центр Поморья. В Сумском посаде сходились почтовые дороги из Петербурга, Кеми и Онеги. Сюда съезжалось много паломников, державших путь в Соловецкий монастырь. С наступлением навигации в Сумском посаде скоплялись паломники из Петербурга, Повенца и других мест. Через село не мало проезжало на север и иностранных туристов.

Село Сумский посад.

В Сумском посаде было очень много парусных судов. Помню, в раннем детстве, когда я сам еще не морячил, осенью, когда обыкновенно приходили телеграммы от хозяев парусников женам, где сообщалось, что парусники вышли в Сумский посад, дети отправлялись собирать „на поветерь“. Вечером детишки собирались к дому хозяйки, получившей телеграмму, желали попутного ветра паруснику мужа. Хозяйки дарили ребятам орехи, конфеты, калачи.

Счастливые и удовлетворенные, мы забирались потом на колокольню и смотрели оттуда, как парусники подходили на бар *). Еще детьми мы по оснастке умели узнавать каждый корабль. Едва хозяин парусника с матросами сходили на землю, ребяташки бросались к ним с поздравлениями.

*) Бар — защищенная от ветра бухта, где стоят суда.

Шли годы. Мне 8 лет. Пора иппи в море. Отец — бедняк-пресколов. У него шестеро сыновей. Все они начали свою морскую карьеру с „зуйков“ — с работы юнгами на поморских парусниках.

Нас, мальчиков-бедняков, поморы шути звали зуйками, вероятно, потому, что, как и чайкам, нам юнгам, кроме остатков улова, никакого вознаграждения не полагалось.

Помню, впервые восьмилетним мальчиком я отправился с отцом на Мурман. Пароход, который должен был отвезти нас на место лова, казался мне очень большим. Рыбаки-поморы, с копорьими мы ехали на Мурман, измеряли окружность трубы парохода, схватившись руками. Шестеро еле охватили эту трубу. Я покачивал головой и удивлялся: откуда только дым берется?..

На пароходе горели какие-то удивительные лампочки. Тоненький волосок, а так много света. Зачем? У нас, на Севере, в мае ночью светло, как днем, к чему на пароходе горят лампочки?

В море началась качка. Мальчиков-поморов, с копорьими я спал, начало укачивать. Один из стариков сказал моему товарищу:

— Тебе, Ваня, надо с якоря кусочек глины съесть. Тогда вынесешь качку легко.

Сумский посад.
Дом братьев Ворониных.

Сумский посад. Дом, где
родился В. И. Воронин.

Я побежал к отцу.
— Папа, правда, что глина помогает от морской качки?

Отец смеется:

— Кому как... Тебе глина не понадобится...

Через несколько суток пароход вышел из Белого моря. Грустно, все дальше и дальше от матери. Прошли Поной,

Поморы остряют: „Прошли Поной, не кличут домой“. Да, дом теперь уже далеко. Мать, товарищи по играм — все это позади.

Пришли в первое становище Мурманского побережья — в Лицу. Опять пословица: „Прошли Лицу — домой не кличут“.

Здесь высаживались поморы, направлявшиеся из Сумского посада на рыбный лов. На берегу масса чаек. Их жалобные, стонущие крики глубоко волновали нас, детей.

В становище Гаврилово поморы занялись промыслом, рыбаки открыли избушку, где хранилась сеть, достали крючки и начали лов.

Я должен был распутывать спутанные морским течением снасти, насаживать на крючки рыбку-наживку, на которую ловят треску.

Поздней осенью возвратились поморы обратно в Сумский посад.

На пресковом промысле я проработал два лета. Нас, мальчиков, очень радовали темные осенние вечера, наступившие в конце августа. Они предвещали близкое возвращение домой. Ребята обнявшись ходили по становищу и пели песни.

Среди рыбаков был один старик. Звали его почему-то Полкан-Ванька. Собрал как-то ребят-зуйков Полкан-Ванька и говорит:

— Вы получаете за свою работу преской. Давайте представим петицию хозяину, чтобы он платил нам по 5 копеек со снасти.

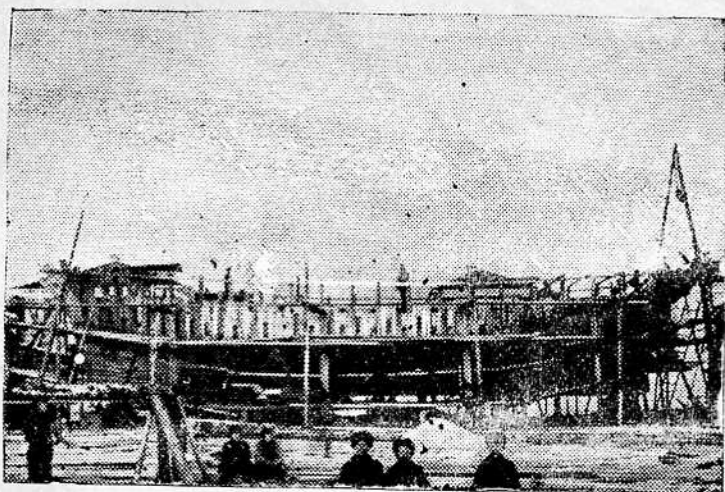
Дети пошли к хозяину, но он, конечно, не хотел нас и слушать.

В это время в становище прибыл архангельский губернатор Энгельгардт. Полкан-Ванька взялся сходить делегатом от зуйков к губернатору. А на промысле было около 80 зуйков. Губернатор, к которому мы пошли скопом, выслушал наше требование о выплате по 5 копеек со снасти и с удивлением спросил:

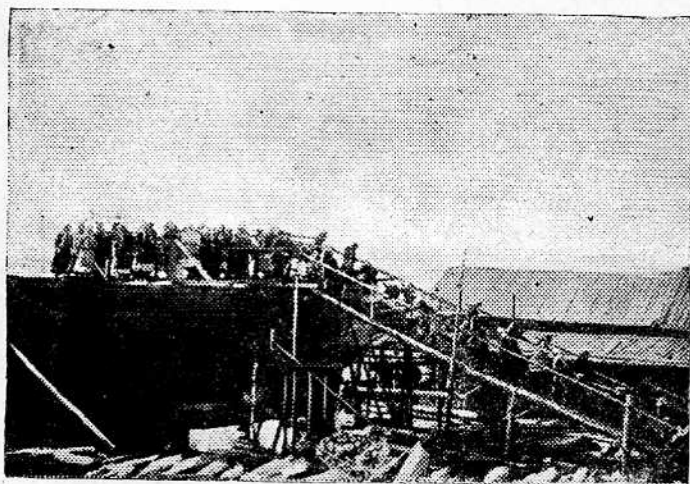
— А что такое снасть?

Мы объяснили ему, что это усеянная крючками веревка — длиной, примерно, в 180 сажень. Ее мы должны насаживать приманкой.

Губернатор обещал удовлетворить наше требование.

*Сумский посад. Обшивка шпангоутов (ребер)
вновь строящегося судна.*

Сумский посад. Построенное судно перед спуском на воду.

